

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

BD
435
.193
1920a

813,882

IWANOFF-RASUMNIK

VOM SINN DES LEBENS

VERLAG „SKYTHEN“ / BERLIN

435
193

BD

435

193

1920a

Право собственности закрѣплено за издательствомъ
во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается законами.

Alle Rechte vorbehalten,
insbesondere das Übersetzungsrecht.

Copyright by Editor ("Scythians")
1920.

Ивановъ - Разумникъ

ИВАНОВЪ - РАЗУМНИКЪ

О СМЫСЛЪ ЖИЗНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СКИФЫ“ / БЕРЛИНЪ

О СМЫСЛѢ ЖИЗНИ.

1.

Вѣчная въ своей повторяемости жизнь человѣческая, вѣчное разрушеніе стараго, вѣчное созиданіе новаго изъ разрушенныхъ обломковъ — имѣеть ли этотъ безконечный процессъ какую-нибудь конечную объективную цѣль?

Три главныхъ отвѣта даются на этотъ вопросъ вотъ уже сотни и тысячи лѣтъ. Всего три отвѣта, всего три пути — не значить ли это, что всѣмъ намъ суждено только дословно повторять сказанное тысячи лѣтъ тому назадъ? Конечно, нѣтъ: семь тоновъ гаммы, три основныхъ спектральныхъ цвѣта — даютъ намъ безконечныя средства для новаго проявленія художественнаго творчества. Такъ и три отвѣта на вопросъ о смыслѣ жизни человѣка и человѣчества даютъ намъ только формы, въ которыя будетъ вкладываться вѣчно новое содержаніе творчества философскаго и религіознаго.

Богъ, Человѣчество, Человѣкъ — вотъ эти три отвѣта, три пути. Цѣль историческаго процесса есть Богъ, говорятъ мистики-объективисты; исторія имѣеть великій трансцендентный смыслъ, великое божественное значеніе; Богъ незримо ведетъ человѣчество къ совершенію Своего предначальнаго и божественнаго замысла, постепенное осуществленіе котораго и является смысломъ исторіи. Цѣлью историческаго процесса является Человѣчество, говорятъ позитивисты-объективисты — земное устроеніе

его; исторія имѣть трансцендентный смыслъ лишь по отношенію къ человѣку, но имманентный — по отношенію къ Человѣчеству, которое идетъ къ ясной объективной конечной цѣли, къ блаженной жизни въ будущемъ золотомъ вѣкѣ. Цѣль историческаго процесса лежитъ въ Человѣкѣ — говорятъ „имманентные субъективисты“, которые могутъ быть и мистиками и позитивистами, но не могутъ только мириться съ объективно-трансцендентной цѣлью, лежащею внѣ человѣка; исторія не имѣть никакого объективнаго смысла, но мы сами вкладываемъ въ него великій субъективный смыслъ, имманентный по отношенію ко всякому человѣку, который и является самоцѣлью.

2.

Объективнаго смысла, объективной цѣли жизни человѣка и Человѣчества нѣтъ; этотъ смыслъ вкладываемъ въ жизнь мы сами. Шопенгауеръ замѣчаетъ, что цѣлесообразность и осмысленность, которыя мы склонны видѣть въ событіяхъ нашей жизни, похожи на тѣ Человѣческія фигуры и группы, которыя мы видимъ, смотря на облака или на запачканную сыростью стѣну. Мы сами вносимъ осмысленную связь въ пятна и формы, созданныя случайностью, а затѣмъ удивляемся премудрости Бога, предустановленной гармоніи и міровому порядку, не подозревая, что эта гармонія и этотъ порядокъ лежатъ не внѣ насъ, а въ насъ самихъ. Кантовская теорія субъективизма естественной цѣлесообразности никѣмъ не была до сихъ поръ не то что опровергнута, но даже и поколеблена.

Джемсъ, въ своей книгѣ „Многообразіе религіознаго опыта“ замѣчаетъ, что если я брошу на столъ тысячу зеренъ, то буду въ состояніи построить изъ нихъ любую геометрическую фигуру: стоитъ только убрать нѣкоторыя зерна, не трогая остальныхъ. Эту работу можно продѣлать и мысленно:

глазъ челоуѣка послушенъ его воображенію. Этотъ столъ — внѣшній міръ, эти зерна на немъ — факты нашей жизни, которые мы только и умѣемъ комбинировать въ правильныя фигуры, руководствуясь регулятивнымъ принципомъ цѣлесообразности. То, что лежитъ внѣ этихъ линій — находится внѣ поля нашего вниманія и пониманія.

И любопытно вотъ что: въ самой ясной безсмыслицѣ мы тщимся найти смыслъ. На что ужъ, кажется, явно случайны названія буквъ алфавита; но и въ сочетаніи ихъ люди пытались найти осмысленность. Пушкинъ обезсмертилъ имя одного грамотея начала XIX-го вѣка, автора „Разсужденія о древней русской словесности“, Н. Ф. Грамматина, который „вздумалъ составить аподегмы“ изъ буквъ славянской азбуки. Тутъ же Пушкинъ приводитъ и шуточную трагедію, составленную изъ буквъ французской азбуки; но шутка шуткой, а фактъ остается фактомъ: челоуѣкъ склоненъ даже явно случайное сочетание признавать объективно осмысленнымъ. Событія челоуѣческой жизни, всѣ эти faits divers, изъ безчисленнаго сочетанія которыхъ слагается вся наша жизнь — чѣмъ они связаны разрозненныхъ буквъ азбуки? Но мы выдѣляемъ изъ этой необозримой массы разныхъ фактовъ немногіе опорные пункты, черезъ которые перебрасываемъ мостъ регулятивнаго принципа цѣлесообразности. Этотъ мостъ позволяетъ намъ субъективно осмыслить нашу жизнь; объективные же телеологи „не сдѣлають по немъ пяти шаговъ — какъ тотчасъ въ воду“...

Для сторонниковъ осмысленности во что бы то ни стало, намъ хотѣлось бы привести небольшое стихотвореніе въ прозѣ одного современнаго автора. Правда, смыслъ его не особенно ясенъ, но ужъ, разумѣется, яснѣе трансцендентнаго смысла всемірной исторіи и тому подобныхъ построеній. Вотъ это стихотвореніе въ прозѣ:

Предразсвѣтный сумракъ дологъ — побѣждайте
радосты!

Въ полѣ не видно ни зги. Отвори свою дверь:
я лицо укрывъ бы въ маскѣ ...

Для чего въ пустынь дикой, въ одеждѣ пыльной
пилигрима, вижу зыбку надъ могилой?

Мнѣ страшный сонъ приснился: просыпаюсь
рано, порою туманной, на сѣрой кучѣ сора ...

Былыя надежды почили въ безмолвной мо-
гилѣ ... Другъ мой тихій, другъ мой даль-
ній: живи и вѣрь обманамъ! Уставъ брести
житейскою пустыней, не надѣйся, не сму-
щайся!

Читатель не будетъ слишкомъ строго относиться
къ нѣкоторымъ несовершенствамъ этого произве-
денія, когда узнаетъ, что оно представляетъ изъ се-
бя только дословно переписанное начало оглавленія
третьей книги стиховъ Ф. Сологуба ...

3.

Какъ! въ человѣческой исторіи не больше объек-
тивного, общеобязательнаго, внѣ насъ лежащаго
смысла, чѣмъ въ оглавленіи книги, въ буквахъ аз-
буки или въ пятнахъ сырости! ... „Какъ человѣку на-
добно свихнуть себѣ душу, чтобы помириться съ
этими выводами и привыкнуть къ нимъ!“ ... Такъ го-
ворилъ когда-то Герцену Хомяковъ и выводилъ от-
сюда необходимость вѣры. Въ „Дневникъ“ Герцена
приведенъ этотъ ходъ мыслей Хомякова, крайне ха-
рактерный для всѣхъ мистиковъ - объективистовъ;
мы напомнимъ его читателямъ. „Философія ведетъ къ
имманенціи, — говорилъ Хомяковъ, — но если само-
познаніе, субъективность развертывается, погруженная
въ міръ реальный, а міръ реальный *idealiter* долженъ
развиться въ самопознаніе, но можетъ *gehemmt sein* на
дорогѣ случайностью, стало, можно предположить такую

эпоху вселенной, въ которой субъективности сознания вовсе нѣтъ, а есть dumpfes unklares für sich броженіе; а если планета такая же индивидуальность, какъ индивидуальность человѣка, то и разившись до сознания, она можетъ погибнуть, и съ нею весь побѣжденный процессъ, который долженъ бы былъ продолжаться безпредѣльно. Но изъ нихъ каждое также зависитъ отъ случайности — отсюда хаотическое, страшное воззрѣніе... Философія доводитъ реальное въ послѣднемъ словѣ до имманенцій и распадающагся хаотическаго атомизма, слѣдовательно до нелѣпости... Итакъ, логическимъ путемъ однимъ нельзя знать истину. Она воплощается въ самой жизни — отсюда религиозный путь“.*)

Вотъ вѣчный путь борьбы съ имманентной философіей: противъ объективной безсмысленности жизни выдвигается фантомъ случайности, а спасеніе отъ этого фантома указывается въ области вѣры. „Для этого надобно вѣру“ — говоритъ Герцену Хомяковъ, на что Герценъ отвѣчаетъ: „на нѣтъ и суда нѣтъ“...

Но насъ хотять убѣдить, что вѣра у насъ есть, что она должна быть. Намъ говорятъ: вотъ вы востаете противъ вѣры въ объективную осмысленность жизни, противъ основанной на вѣрѣ мистической теоріи прогресса; но развѣ у васъ самихъ нѣтъ совершенно такой же вѣры — хотя бы, напримѣръ, вѣры въ реальность міра или въ чужое одушевленіе? Вы постулируете, что есть міръ, что есть чужое „я“, а мы постулируемъ, что есть Богъ, что есть объективный смыслъ жизни.

Вашей вѣры въ Бога, вѣры въ объективный смыслъ жизни мы ни на минуту не отвергаемъ и не оспариваемъ; наоборотъ, мы признаемъ, что блаженны вѣрующіе... Но какъ быть тѣмъ, у которыхъ этой

*) „Дневникъ“ Герцена отъ 21 декабря 1842 г.; ср. разговоръ Герцена и Хомякова, приведенный въ „Быломъ и Думамъ“.

вѣры нѣтъ? Вѣдь на нѣтъ и суда нѣтъ. Соглашаемся, даѣе, что и въ нашемъ міровоззрѣніи имѣются элементы „вѣры“ — въ чужое одушевленіе, напримѣръ. (Правда, вѣра въ объективный смыслъ жизни и „вѣра“ въ чужое одушевленіе — это совершенно разныя вещи, хотя бы по одному тому, что одна есть вѣра вопреки очевидности, а вторая — согласно съ очевидностью. Но это только въ скобкахъ; опредѣленію понятія „вѣры“ въ его многихъ значеніяхъ посвящены многочисленныя работы старыхъ и новыхъ философовъ.) Пусть такъ, пусть мы „вѣримъ“ въ чужое одушевленіе; но почему же мы обязаны вѣрить тогда и въ объективный смыслъ жизни? Развѣ наличность одной вѣры является аргументомъ для пріятія другой?

Противъ вѣры въ Бога, противъ вѣры въ объективный смыслъ жизни мы не возражаемъ, такъ какъ признаемъ логическую возможность подобной вѣры; наше отрицаніе зиждется на другой, психологической почвѣ. Когда-то Паскаль думалъ убѣдить всѣхъ людей математической теоріей вѣроятности въ неизбежности вѣры въ Бога, и аргументы его впоследствии не разъ были развиваемы. Дѣйствительно, Богъ или существуетъ (1), или не существуетъ (2); я въ него либо вѣрю (3), либо не вѣрю (4). Комбинаціи этихъ четырехъ возможностей могутъ быть или истинными, или ложными. Такъ, сочетанія 1+3 или 2+4 истинны; комбинаціи 1+4 или 2+3 ложны. Но при комбинаціи 1+4 я самъ осудилъ себя на вѣчную погибель въ будущей жизни (дѣло идетъ о церковномъ, католическомъ пониманіи Бога); а при сочетаніи 2+3 я совершаю только безобидную ошибку. Выбирайте же, что лучше: вѣрить въ несуществующаго Бога или не вѣрить въ существующаго... Выборъ не труденъ: конечно, надо вѣрить во всѣхъ случаяхъ и во что бы то ни стало, ибо рискъ такъ малъ, а выигрышъ такъ великъ... On perd si peu et on gagne tant!

Когда-то все это звучало убедительно... Но времена перемѣнились. Наше понятіе о Богѣ теперь уже другое и наши отношенія къ проблемѣ „богоискательства“ совсѣмъ иныя. Чистый, догматическій атеизмъ отходитъ теперь въ область преданія и во всякомъ случаѣ становится удѣломъ очень нетребовательныхъ людей. Вѣра, невѣріе — не въ этомъ лежитъ теперь центръ тяжести. Можно признавать Бога и въ то же время не принимать Его.

„Я не Бога не принимаю, я міра Имъ созданнаго не принимаю и не могу согласиться принять“ — говорилъ когда-то Иванъ Карамазовъ. Но есть точка зрѣнія и совершенно противоположная: міръ мы принимаемъ (ибо принуждены его принять, если хотимъ жить), но Бога не принимаемъ, если даже онъ и существуетъ. Мы не хотимъ трансцендентнаго оправданія міра, мы хотимъ стоять на человѣческой точкѣ зрѣнія; для насъ невозможенъ Богъ міроправитель, допускающій дѣтскія неоправданныя слезы и безвинную человѣческую муку. Эти страданія, эти муки будутъ оправданы, возмѣщены и отомщены въ будущей жизни — утѣшаетъ вѣрующихъ религія; но нѣтъ той небесной награды, которая могла бы уравновѣсить муку невинно погибшаго, растерзаннаго собаками ребенка. Такова наша человѣческая точка зрѣнія, на сверхъ-человѣческой, а потому и безчеловѣческой, мы отказываемся стоять. Допускающій безвинную муку Богъ — не нашъ Богъ, если даже Онъ и существуетъ. Быть можетъ — замѣчаетъ Джемсъ въ своей отмѣченной выше книгѣ — существуетъ Богъ, требующій человѣческихъ жертвоприношеній, но принять такого Бога мы не можемъ.

Итакъ, вопросъ заключается вовсе не въ томъ, вѣримъ мы или нѣтъ въ существованіе Бога, а въ томъ, принимаемъ ли мы Его, хотя бы и существующаго. Параллельно съ этимъ возникаетъ вопросъ и о принятіи нами міра: міръ существуетъ, какъ фактъ, но онъ, можетъ быть нами принять, или не принять.

Эти четыре элемента — 1. міръ, 2. Богъ, 3. принятіе, 4. непринятіе — въ четырехъ различныхъ сочетаніяхъ исчерпываютъ собою проблему смысла жизни. Наша точка зрѣнія опредѣляется соединеніемъ 1 + 3 и 2 + 4; Иванъ Карамазовъ соединялъ 2 + 3 и 3 + 4; мистическая теорія прогресса принимаетъ 1 + 3 и 2 + 3; наконецъ, возможенъ случай 1 + 4 и 2 + 4. Это случай разрыва не только съ Богомъ но и съ міромъ — отказъ отъ жизни, разъ въ ней нѣтъ объективнаго смысла.

Всѣ эти точки зрѣнія логически равно возможны; склоняясь къ той или иной насъ заставляютъ психологическія побужденія. Вопросъ о „вѣрѣ“ становится мелкимъ передъ этими новыми возникающими проблемами, такъ гениально поставленными Достоевскимъ.

4.

Непріятіе міра есть самоистребленіе. Часто, слишкомъ часто, приходится сталкиваться съ людьми, которые не въ силахъ перенести мысли объ отсутствіи объективнаго смысла жизни. Сплошь и рядомъ вы встрѣтите въ газетной хроникѣ записки самоубійцъ, Бога не пріявшихъ и міръ отвергшихъ. „Бога нѣтъ, жить нѣтъ цѣли и на свѣтѣ все глупо“, — пишетъ одинъ изъ нихъ передъ смертью. „Кто не нашелъ ключа смысла жизни, тотъ не долженъ жить. Счастливы тѣ, которые, сознавая свое безсиліе, по своей волѣ уходятъ отъ жизни“, — пишетъ другой передъ покушеніемъ на самоубійство. Приватъ-доцентъ Кіевскаго университета отравляется цианистымъ калиемъ, „убѣдившись въ безцѣльности жизни“. Въ Одессѣ стрѣляется шестнадцатилѣтній реалистъ, которому „стало скучно на этомъ маленькомъ земномъ шарѣ, гдѣ такъ много прекраснаго“. Въ Костромѣ восемнадцатилѣтній юноша кончаетъ самоубійствомъ для того, чтобы „выразить своимъ самоубійствомъ протестъ противъ законовъ природы, которые дѣлаютъ жизнь

человѣка сплошнымъ рядомъ страданій“*) Шестидесятилѣтній старикъ бросается подъ поѣздъ, оставляя записку: „долгимъ опытомъ убѣдился, что нѣтъ смысла въ жизни. Для чего жить?“

Мы безсильны переубѣдить людей, непринимających міра. Какъ и чѣмъ убѣдить ихъ, что смыслъ жизни создаемъ мы сами, что отъ насъ зависитъ расширить свой міръ до предѣловъ вселенной или низвести его до комочка грязи, что объективный смыслъ жизни не нуженъ для того, кто субъективно осмысливаетъ свою жизнь. Развѣ можно все это доказать? Это надо чувствовать. Но все же психологія отвергающихъ міръ намъ понятна; мы не можемъ раздѣлять ихъ взглядовъ, мы не можемъ принимать ихъ, но мы можемъ ихъ понимать. Вы не принимаете міра, мы принимаемъ міръ; споръ тутъ невозможенъ.

Психологія людей, принимающихъ міръ и оправдывающихъ Бога — значительно дальше отъ насъ. Мы знаемъ, что есть не мало людей, готовыхъ принять отъ руки Бога все, даже самое бессмысленное, даже невинныя муки ребенка; но ихъ душевный строй намъ чуждъ почти настолько же, какъ и вѣра въ какое-нибудь божество, требующее человѣческихъ жертвоприношеній. Оправдывать всѣ человѣческія жертвоприношенія, ежеминутно совершающіяся въ жизни человѣчества и въ жизни человѣка; безропотно принимать ихъ не какъ неизбѣжное, а какъ должствующее и нравственно приемлемое, ибо исходящее отъ божественной воли — вотъ вѣчная участь рабовъ трансцендентнаго. Помните, какъ у Достоевскаго: „тараканъ не ропщетъ“... Этотъ „тараканъ отъ дѣтства“ никогда не ропщетъ, хотя онъ и „попалъ въ стаканъ полный мухобѣдства“... Онъ идетъ съ тупымъ покорствомъ или благоговѣйнымъ смиреніемъ — не все ли равно? — рѣшенія своей участи, когда къ стакану подойдетъ

*) Ср. Достоевскій „Дневникъ писателя“, 1876 г., № 10. — Всѣ перечисленные факты взяты нами изъ газетъ.

„Никифоръ — бла-а-роднѣйшій старикъ“ и выплеснетъ всю эту дрянь „мухоѣдства“ въ бездонную яму смерти. А пока — тараканъ принимаетъ всю эту мерзость, весь этотъ ужасъ жизни не какъ причинно-необходимое, а какъ этически-должное: „тараканъ не ропщетъ“... И право, если такого тупо-смиренного таракана давить своей пятой „бла-а-роднѣйшій старикъ Никифоръ, (онъ же Рокъ, Судьба, Природа, Богъ, Дьяволъ, Нѣкто въ сѣромъ или какъ тамъ его еще зовутъ), то невольно иногда думается: да полно, ужъ не по заслугамъ ли его воздается ему? Тараканъ не ропщетъ!

Психологія Ивана Карамазова намъ ближе и понятнѣе; но „непріятіе міра“ не доводится имъ до конца. Онъ не принимаетъ міра только на словахъ; центростремительная сила перевѣшиваетъ въ немъ центробѣжную и онъ остается жить. А между тѣмъ истинное непріятіе міра есть самоистребленіе; и не тотъ отвергаетъ міръ, кто говоритъ: „міра не принимаю“, и затѣмъ идетъ въ трактиръ ѣсть уху съ растегаями, а тотъ, кто молча сводитъ послѣдніе счеты съ жизнью. Не Иванъ Карамазовъ, а лакей Смердяковъ дѣйствительно не принялъ міра.

Остается послѣдняя возможность: мы принимаемъ міръ не какъ этически-должное, а какъ причинно-необходимое; но мы не принимаемъ того Бога, котораго признаютъ мистики-объективисты. Мы не признаемъ объективной осмысленности жизни, но мы видимъ въ ней явный субъективный смыслъ; цѣль мы видимъ въ каждомъ человѣкѣ, смыслъ мы видимъ въ полнотѣ бытія.

5.

Обычнымъ возраженіемъ противъ имманентнаго субъективизма со стороны „объективных“ позитивистовъ является указаніе на анти-соціальность этого воззрѣнія и на его анти-демократичность. Жить

полной жизнью, жить всеми струнами души — это, якобы, рецепт только для крайняго индивидуалиста, да къ тому же еще достаточно обезпеченнаго трудами рукъ сотенъ тысячъ „трудящихся“... А эти „трудящіеся — они просто несчастные... лошади“ — по выраженію горьковскаго Фомы Гордѣева, и философія имманентнаго субъективизма не для нихъ и не про нихъ писана.

Въ такихъ словахъ кроется крайне вульгарное пониманіе „полноты бытія“. Жизнь широкая и полная не за деньги покупается, и тотъ босякъ М. Горькаго, который могъ часами сидѣть на берегу моря, вслушиваясь въ говоръ волнъ, глубже и полнѣе жилъ въ это время, чѣмъ большинство изъ слушающихъ моднаго тенора въ дорогомъ театрѣ. Вспомните также тургенѣвскихъ „Пѣвцовъ“ и рѣшите, гдѣ глубже эстетическое чувствованіе, интенсивнѣе полнога переживаній. И то, что справедливо въ области эстетики, то сохраняетъ свою силу и въ области всей человеческой жизни, всѣхъ мыслей, переживаній, чувствованій; если бы понадобились доказательства и подтвержденія этого, то мы могли бы обратиться къ Гл. Успенскому, къ его чуткому и проникновенному пониманію крестьянской жизни.

Въ своихъ удивительныхъ очеркахъ „Крестьянинъ и крестьянскій трудъ“ (которые намъ представляются высшей точкой творчества Успенскаго, превышающей даже его знаменитую „Власть земли“), Гл. Успенскій попытался объяснить себѣ смыслъ жизни народнои. Несомнѣнно, что самъ народъ, въ своемъ большинствѣ, объясняетъ свою жизнь съ точки зрѣнія трансцендентнаго объективизма; взглядъ этотъ давно уже сталъ догмой, пропитавшей народныя массы, несмотря на различныя теченія, борющіяся въ ея глубинѣ. Это хорошо зналъ и понималъ Гл. Успенскій. „Типическимъ лицомъ, въ которомъ наилучшимъ образомъ сосредоточена одна изъ существенныхъ группъ характернѣйшихъ народныхъ свойствъ, — говоритъ Гл.

Успенскій, — безъ сомнѣнія является Платонъ Каратаевъ, такъ удивительно изображенный Л. Толстымъ "... Какія же это народныя свойства, по крайней мѣрѣ одна группа изъ нихъ? „Жизнь Каратаева, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла какъ отдѣльная жизнь, — приводитъ Гл. Успенскій слова Л. Толстого: — она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ"... Это цѣлое — „Рассея“, „миръ“, а на болѣе высокихъ ступеняхъ развитія еще общиѣ: „Человѣчество“ — это цѣлое, какъ бы оно не называлось, позволяетъ намъ объяснять смыслъ нашей жизни отсыланіемъ отъ Понтія къ Пилату, отъ человѣка къ человѣчеству. Но и въ самомъ народѣ были и есть другія группы, не удовлетворявшіяся такимъ отвѣтомъ, и самъ Гл. Успенскій не могъ удовлетвориться имъ. А если трансцендентный объективизмъ не удовлетворяетъ, то волей-неволей приходится перейти на почву имманентнаго субъективизма.

Какой смыслъ жизни крестьянина — какого-нибудь Ивана Ермолаевича, о которомъ говорить Гл. Успенскій? Мистическая теорія прогресса чужда Гл. Успенскому; ничего не объясняетъ ему и позитивная теорія прогресса. Иванъ Ермолаевичъ живетъ и „бьется“ надъ работою на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ точно также бились тысячу лѣтъ подрядъ его предки („въ настоящее время давно распаханное подъ овесъ и въ видѣ овса съѣденные скотиной...“). Трудъ поглощаетъ и поглощаетъ всю жизнь крестьянина, не оставляя ему ни минуты досуга; а если случайно появится этотъ досугъ, то вліяніе его на крестьянскую жизнь только отрицательное. Гдѣ ужъ тутъ, казалось бы, говорить о „полнотѣ бытія“, когда „невѣроятные размѣры труда“ поглощаютъ собою всю крестьянскую жизнь безъ остатка! „Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, что это за жизнь, и посудите, изъ-за чего человѣкъ бьется. Крестьянская пословица говоритъ: лѣто работаетъ на зиму, а зима на лѣто. И точно: лѣтомъ

съ утра до ночи безъ передышки бьются съ косьюбой, съ жнивомъ, а зимой скотина съѣсть сѣно, а люди хлѣбъ; весну и осень идутъ хлопоты приготовить пашню для людей и животныхъ, лѣтомъ соберутъ, что дастъ пашня, а зимой съѣдятъ. Трудъ постоянный — и никакого результата, кромѣ навоза, да и того не останется, ибо и онъ идетъ въ землю: земля ѣстъ навозъ, люди и скотъ ѣдятъ, что даетъ земля. Самъ Богъ, Отецъ небесный, поминается только какъ участникъ въ этой бесплодной по результатамъ лабораторіи. Богъ даетъ дождь, ведро, нужные для сѣна, овса, ржи, которые нужны для лошадей, овецъ, коровъ и людей, а въ результатѣ — навозъ, нужный для земли, и т. д. до безконечности“...

Какой смыслъ всего этого круговорота? „Объясняя себѣ эту загадку существованія, я приходилъ къ самымъ мрачнымъ и безобразнымъ выводамъ“ — говоритъ Гл. Успенскій. Онъ пробовалъ объяснять себѣ эту загадку разными „трансцендентными“ отвѣтами, но ничего путнаго не получалось: „тайна бесплодности и непрестанности труда, изъ которыхъ сотканы дни, часы и годы существованія Ивана Ермолаевича и многихъ ему подобныхъ, такъ и оставалась досадною, неразгаданной тайной“ — до тѣхъ поръ, пока Гл. Успенскій не сталъ искать отвѣта на почвѣ имманентнаго субъективизма. Тогда сразу понялъ: смыслъ жизни Ивана Ермолаевича лежитъ въ ней самой; объективно бессмысленный круговоротъ событий имѣетъ глубокой субъективный смыслъ. Въ жизни Ивана Ермолаевича Гл. Успенскій увидѣлъ тогда ту самую „полноту бытія“, которая субъективно осмысливаетъ жизнь каждаго человѣка; въ томъ трудѣ, который казался ему объективно бессмысленнымъ и безцѣльнымъ, онъ увидѣлъ субъективный смыслъ, увидѣлъ даже „поэзію земледѣльческаго труда“.

„Жизнь Ивана Ермолаевича, что называется, полнехонька впечатлѣніями до краевъ“, — увидѣлъ тогда Гл. Успенскій; онъ увидѣлъ, что „Иванъ Ер-

молаевичъ, кромѣ видимыхъ міру слезъ, бѣдствій, недоумокъ, всевозможныхъ притѣсненій и другихъ мрачныхъ чертъ, рисующихъ его жизнь, какъ непрерывное мученіе и каторгу, имѣеть въ самой глубинѣ своего существованія нѣчто такое, что даетъ ему силу переносить всѣ эти невзгоды цѣлыя тысячелѣтія“; онъ увидѣлъ, что „кажущееся влаченіе по брадамъ, бесплодное, тяжкое существованіе — оказывается явленіемъ вполнѣ объяснимымъ, а главное — вовсе не влаченіемъ, а существованіемъ... въ которомъ осмысленъ каждый шагъ, каждый поступокъ“... Гл. Успенскій увидѣлъ „творчество“ въ крестьянскомъ трудѣ, увидѣлъ эстетическую цѣльность и красоту въ земледѣльческомъ укладѣ жизни. Онъ понялъ, что Иванъ Ермолаевичъ „бьется“ не потому только, чтобы быть сытымъ и платить подати, „но и потому еще, что земледѣльческій трудъ со всѣми его развѣтвленіями, приспособленіями, случайностями поглощаетъ и его мысль, сосредотачиваетъ въ себѣ почти всю его умственную и даже нравственную дѣятельность“... Полнота бытія — это слово придаетъ смыслъ всякой человеческой жизни, и въ этомъ отношеніи имманентный субъективизмъ является настолько же всечеловѣческимъ, какъ и два другихъ трансцендентныхъ пути.

Правда, не всѣ такъ счастливы, какъ Иванъ Ермолаевичъ: не у всякаго трудъ является въ то же время элементомъ, субъективно осмысливающимъ жизнь. Именно такое счастливое сочетаніе заставляло, между прочимъ, старыхъ народниковъ такъ рьяно отстаивать земледѣльческій укладъ жизни. Кромѣ крестьянства немногіе могутъ считать свой трудъ элементомъ полноты бытія: это удѣлъ сравнительно очень немногихъ „свободныхъ профессій“. Для остальныхъ трудъ есть только средство и жизнь идетъ мимо, полнота бытія не захватываетъ труда; но такъ или иначе — полнота бытія и только она одна есть вѣчный субъективный смыслъ всякой жизни. Имма-

нентный субъективизмъ, повторяемъ это, не есть путь для немногихъ; по этому пути идетъ, кто хочетъ; по этому пути могутъ идти всѣ люди, все живое, существующее въ мірѣ.

6.

Крайній индивидуализмъ, крайняя анти-соціальность этого пути также являются вполнѣ миѳическими. Девизъ „vivege temento!“ ведетъ, якобы, къ крайностямъ абсолютнаго эгоизма; всякій прожигатель жизни можетъ укрыться за философіей имманентнаго субъективизма. Да, можетъ; но вѣдь даже за ученіемъ Христа укрывались и укрываются разные великіе и малые инквизиторы, вѣдь нѣтъ ни одного ученія, ни одной системы, ни одной теоріи, ни одного вѣрованія, которыхъ не могли бы запятнать своимъ признаніемъ и сочувствіемъ разные человѣкоподобные. „У всякаго человѣка есть своя обезьяна“: у всякаго ученія есть или можетъ быть пародія, кривляющееся изображеніе; у всякаго Ивана Карамазова есть свой Смердяковъ или свой Чортъ — обезьяна или „лакей“. Эти „лакеи“, эти обезьяны, неизбежны тамъ, гдѣ есть исканіе, творчество. Они сейчасъ же хватаются за результаты, отвлеченные отъ процесса ихъ выработки, треплютъ ихъ, вульгаризируютъ, толкуютъ на свой ладъ, искажаютъ до неузнаваемости. За примѣромъ недалеко ходить: въ свое время имманентный субъективизмъ Герцена уже подвергся такому разлагающему процессу въ нигилизмѣ конца шестидесятыхъ годовъ.

Первый шагъ къ этому сдѣлали уже „мыслящіе реалисты“ типа Писарева. Писаревъ впервые развилъ для широкой публики взгляды Герцена, выраженные послѣдними десятью годами ранѣе; но при этомъ даже Писаревъ слишкомъ обезцвѣтилъ глубокія мысли Герцена: будто перевелъ его мысли изъ области трехъ въ область двухъ измѣреній.

Вотъ, напримѣръ, прочитайте слѣдующія строки Писарева (изъ „Схоластики XIX вѣка“):

„Цѣль жизни! Какое громкое слово, и какъ часто оно оглушаетъ и вводитъ въ заблужденіе, отуманивая слишкомъ довѣрчиваго слушателя... Старайтесь жить полной жизнью, не дрессируйте, не ломайте себя, не давите оригинальности и самобытности въ угоду заведенному порядку и вкусу толпы — и, живя такимъ образомъ, не спрашивайте о цѣли; цѣль сама найдется, и жизнь рѣшитъ вопросы прежде, чѣмъ вы ихъ предложите. Васъ затрудняетъ, можетъ быть, одинъ вопросъ: какъ согласить эти эгоистическія начала съ любовью къ человѣчеству? Объ этомъ нечего заботиться. Человѣкъ отъ природы — существо очень хорошее, и если не окислять его противорѣчійми и дрессировкой, если не требовать отъ него неестественныхъ нравственныхъ фокусовъ, то въ немъ естественно разовьются самыя любовныя чувства къ окружающимъ людямъ, и онъ будетъ помогать имъ въ бѣдѣ ради собственнаго удовольствія, а не изъ сознанія долга“...

Читаешь это — точно въ кривое зеркало глядишься: такъ, вѣроятно, чувствовалъ себя Герценъ при чтеніи этихъ строкъ; недаромъ подобныя мысли Писарева Герценъ считалъ проявленіемъ крайней незрѣлости мысли, говоря про „базаровщину“, что „болѣзнь эта къ лицу только до окончанія университетскаго курса; она, какъ прорѣзываніе зубовъ, совершеннолѣтію не пристала“. Эти наивныя утвержденія, что „человѣкъ отъ природы существо очень хорошее“ и что потому онъ будетъ помогать людямъ въ бѣдѣ ради собственнаго удовольствія — что все это такое, какъ не младенческое прорѣзываніе зубовъ русской мысли и въ то же время — искаженіе имманентнаго субъективизма Герцена.

Vivere memento! — этотъ девизъ ведетъ вовсе не къ такимъ наивно-гедонистическимъ положеніямъ. Полнота бытія, полная жизнь — вовсе не однозначна съ

жизнью въ свое удовольствіе; „жить во-всю“ (по слову Михайловскаго) вовсе не значить жить для себя. Жить во-всю и жить внѣ могучаго чувства соціальности — невозможно; и тотъ, кто живетъ лишь для себя — не знаетъ и не знаетъ, что такое полнота бытія. Чувствовать свое „я“ неразрывно слитымъ съ общественнымъ „ты“ — это значить безгранично расширить діапазонъ своей личной жизни; изолировать свое „я“ отъ соприкосновенія съ общественнымъ „ты“ — это значить безмѣрно суживать границы своего бытія. И тотъ, кто провелъ всю жизнь на холодныхъ вершинахъ крайняго индивидуализма — тотъ духовно бѣденъ и нищъ, какъ бы ни была напряжена и богата личными переживаніями его жизнь; онъ бѣденъ и нищъ, ибо лишенъ громаднаго и могучаго чувства соціальности, придающаго такую полноту человѣческой жизни.

Чувство соціальности въ духовномъ мірѣ человѣка аналогично зрѣнію въ области его физическихъ чувствъ: эти чувства вводятъ насъ въ общеніе не только съ непосредственно окружающимъ насъ, но и съ отдѣленнымъ отъ насъ громадными разстояніями. И не потому я вижу, что это доставляетъ мнѣ удовольствіе, а потому, что я не могу не видѣть; наоборотъ, часто я вижу вещи, доставляющія мнѣ острое страданіе. „О, если бы не видѣть!“ — восклицаемъ иногда мы; но мы не можемъ не видѣть и никогда не захотимъ добровольно лишить себя зрѣнія; быть можетъ, мы предпочтемъ умереть, чѣмъ не видѣть. Въ чувствѣ зрѣнія есть различныя градации: есть нормальное зрѣніе, есть болѣзни его, есть близорукость, дальность, дальтонизмъ, есть величайшее несчастье — слѣпота; и хотя мы часто проклинаемъ то, что видимъ, но никогда не согласимся промѣнять муки зрѣнія на невѣдѣніе слѣпоты. Все это отъ слова до слова примѣнимо къ нашему нравственному міру, къ чувству соціальности, дающему возможность единичному „я“ видѣть и чувствовать многочисленное „ты“.

Не потому мы подчиняемся чувству социальности, что это доставляет намъ удовольствіе, а потому, что мы не можемъ не подчиняться ему; наоборотъ, это чувство заставляетъ насъ часто испытывать острое страданіе. Правда, не всѣ обладаютъ этимъ чувствомъ: иные страдаютъ притупленіемъ и ослабленіемъ его, иные нравственнымъ дальтонизмомъ; есть, наконецъ люди, у которыхъ это чувство вполнѣ атрофировано. Это социальная слѣпота — величайшее несчастіе человека; и хотя наше чувство социальности доставляетъ намъ часто острые страданія, но мы, быть можетъ, предпочтемъ умереть, чѣмъ добровольно лишить себя чувства социальности, предаться социальной слѣпотѣ. Смерть и мученія за социальные идеалы — развѣ это такое рѣдкое явленіе? Вспомните хотя бы исторію русской интеллигенціи за послѣднія сто лѣтъ...

Итакъ, „полнота бытія“ немислима внѣ чувства социальности; тѣ человѣкоподобные, которые хотятъ запечатать своимъ признаніемъ имманентный субъективизмъ Герцена, напрасно теряютъ время и трудъ: имъ не удастся запятнать міровоззрѣніе Герцена такъ же, какъ не удастся отождествить свое прожиганіе жизни съ „полнотой бытія“. Тщетно пытались бы ухватиться за имманентный субъективизмъ и тѣ крайніе индивидуалисты, у которыхъ атрофировано чувство социальности, которые страдаютъ социальной слѣпотой: какъ бы ни была полна ихъ жизнь эстетическими переживаніями или творчествомъ философской и научной мысли, но если они лишены переживаній социальныхъ, то не имъ говорить о полнотѣ бытія. Имманентный субъективизмъ есть міровоззрѣніе всечеловѣческое; но именно потому оно дѣйствительно только на социальной почвѣ, именно потому оно соединяетъ признаніе величайшей цѣнности человѣческой личности съ величайшей социальной активностью.

7.

Но если такъ, если міровоззрѣніе имманентнаго субъективизма оказывается социальнымъ и не можетъ быть инымъ, то, спрашивается, какая же разница между нимъ и позитивной теоріей прогресса? Въдѣ тамъ тоже социальность выдвигается на первый планъ — настолько выдвигается, что даже смыслъ жизни чело-вѣка оказывается лежащимъ въ Человѣчествѣ, въ его блаженномъ будущемъ.

Вотъ именно въ этомъ и лежитъ коренной пунктъ расхожденія. Позитивная теорія прогресса придаетъ объективный смыслъ и значеніе человѣческой жизни, считая ее кирпичемъ для зданія будущаго; для насъ же никакіе грядущіе „хрустальные дворцы“ не въ силахъ осмыслить бессмыслицу настоящаго. Осуществленіе въ грядущемъ идеаловъ правды-справедливости не придаетъ объективнаго смысла моей настоящей жизни, но моя борьба за осуществленіе идеаловъ правды-справедливости входитъ въ рядъ переживаній, субъективно осмысливающихъ мою жизнь. Здѣсь пунктъ расхожденія имманентнаго субъективизма со всѣми трансцендентными теоріями и системами.

Это расхожденіе несомнѣнно, и оно позволяетъ намъ говорить о трехъ путяхъ, о трехъ отвѣтахъ на вопросъ о смыслѣ жизни. Но при этомъ не надо забывать, что всякое раздѣленіе схематично, что оно намѣчаетъ только рѣзкіе черты, сглаживая оттѣнки. Богъ, Человѣчество, Человѣкъ — эти три пути несомнѣнны, но не менѣе несомнѣнна и возможность различнаго пересѣченія различныхъ тропинокъ этихъ путей. Мы только-что видѣли, что, исходя отъ чело-вѣка, мы неизбѣжно приходимъ къ челоѣчеству, если не хотимъ пожертвовать безпредѣльно расширяющимъ нашу жизнь чувствомъ социальности; и хотя мы рѣзко расходимся съ позитивной теоріей прогресса, но указанное сближеніе двухъ путей слишкомъ несомнѣнно. Точно также, какъ ни рѣзко расходимся мы съ мисти-

ческой теоріей прогресса, но и съ ней у насъ есть точки пересѣченія.

Если, исходя отъ человѣка, мы приходили къ человѣчеству, то не менѣе неизбежно мы приходимъ отъ человѣка къ вселенной, къ космосу, къ космической жизни. Если отсутствіе чувства социальности мы называли великимъ несчастьемъ, социальной слѣпотой, то не менѣе великимъ несчастьемъ является и то, что можно назвать „космической слѣпотой“, отсутствіемъ того чувства, проявленія котораго носятъ въ философіи крайне неудачное названіе „универсальнаго аффекта“. Это вселенское чувство, говоря словами Канта, „расширяетъ мое единеніе среди міровъ надъ мірами и системами изъ системъ“; это вселенское чувство, въ своихъ разнообразныхъ проявленіяхъ, выводитъ человѣка на міровой просторъ изъ узкаго тупика его личной жизни. Это вселенское чувство — психологическій фактъ*); соответствуетъ ли этому факту что-либо внѣ насъ — мы не знаемъ: категорическое „да“ мистиковъ здѣсь настолько же голословно, какъ и категорическое „нѣтъ“ позитивистовъ.

Намъ одинаково чужда и эта мистическая вѣра и эта позитивная увѣренность. Міръ есть великая тайна; и мы менѣе всего хотѣли бы проповѣдывать позитивную удовлетворенность, отрицать великую загадку бытія. Но мы заранѣе отвергаемъ одно изъ возможныхъ рѣшеній этой вселенской загадки — рѣшеніе, открывающееся на трансцендентной почвѣ. Да, міръ есть вѣчная тайна, которую не перестанутъ разгадывать религіозные мыслители, философы и поэты; да, мы не можемъ утверждать съ непоколебимой достовѣрностью, что безвинныя муки не найдутъ себѣ объясненія — а значить и оправданія — „въ томъ мірѣ, гдѣ нѣтъ времени“. Но имъ нѣтъ оправданія съ нашей земной, человѣческой точки зрѣнія; всю вселенскую гармонію мы отдадимъ за

*) Обо всемъ этомъ см. въ цитированной выше книгѣ Джемса.

одну слезу ребенка. И если „тамъ“ мы могли бы найти нумеральный смыслъ дѣтской слезинки, то мы теперь „заблаговременно“, (какъ говорилъ Иванъ Карамазовъ) отказываемся отъ этой вселенской гармоніи, отъ трансцендентнаго примиренія и оправданія. Мы отвергаемъ это рѣшеніе міровой загадки, хотя бы оно и было сверхъ-человѣческой Истиной: эта Истина — не для человѣка.

Да къ тому же еще вопросъ: эта трансцендентная Истина — полно, истинна ли она? Эта „трансцендентная гармонія“ — не великій ли соблазнъ, великое испытаніе человѣческаго духа? И быть можетъ, по слову Л. Шестова, „кто выдержитъ его, это испытаніе, кто отстоитъ себя, не испугавшись ни Бога ни Дьявола съ его прислужниками — тотъ войдетъ побѣдителемъ въ иной міръ“? Мы только скажемъ — не въ иной міръ, а въ земной міръ, въ міръ человѣческихъ слезъ, радостей, печалей, творчества, исканій, борьбы, полноты бытія...

8.

Заканчаемъ тѣмъ, съ чего начали: указаніемъ на три пути, по которымъ люди идутъ за поисками смысла жизни. Мы видѣли только-что, что боковыя тропинки этихъ путей переплетаются, но это не мѣшаетъ главнымъ дорогамъ расходиться далеко въ разныя стороны отъ одного общаго исходнаго пункта.

Всѣ мы помнимъ сказочнаго витязя у камня, на распутіи трехъ дорогъ: сидитъ молодецъ на добромъ конѣ и читаетъ надпись на камнѣ. А на камнѣ томъ написано: направо поѣдешь — вмѣстѣ съ конемъ пропадешь; налево поѣдешь — голову сложишь, а конь уцѣлѣетъ; прямо поѣдешь — конь пропадетъ, а самъ будешь живъ. Это исторія каждаго изъ насъ: каждый изъ насъ въ свое время приходитъ къ великому распутью трехъ дорогъ; каждый изъ насъ — на добромъ конѣ (имя ему — „метафизическія иллю-

віи“), и летаеть этотъ конь выше дерева стоячаго, выше облака ходячаго... И читаемъ мы на камнѣ при распути великія и загадочныя слова: Богъ, Человѣчество, Человѣкъ...

Мистическая теорія прогресса усиленно убѣждаетъ насъ повернуть направо, увѣрять въ Бога, увѣрять въ трансцендентный смыслъ исторіи, въ божественный смыслъ всего бытія. Но на этой дорогѣ, того и гляди, вмѣстѣ съ конемъ пропадешь: будешь всю жизнь вѣрять въ невѣроятное, будешь возлагать надежды на трансцендентное — и все ближе и ближе будешь подходить къ тому мѣсту пути, гдѣ ждетъ тебя неизбѣжная Смерть. И что же, если тогда окажется, что (по слову Ренана) nous avons été dupés? Когда потухнетъ наше сознание, когда мы перейдемъ въ мракъ и небытіе, когда метафизическія иллюзіи — состоянія нашего сознанія — погибнуть вмѣстѣ съ нимъ, когда великій трансцендентный смыслъ бытія окажется насмѣшливой сказкой, тогда исполнится пророчество, начертанное на камнѣ: направо поѣдешь — вмѣстѣ съ конемъ пропадешь...

Позитивная теорія прогресса старается, напротивъ, убѣдить насъ свернуть налѣво, увѣрять въ Человѣчество, въ его счастье, въ его радостное и свѣтлое будущее, построенное на нашей крови и на нашихъ страданіяхъ. Однако на этомъ пути хотя можно, быть можетъ, и уцѣлѣть (вѣдь метафизическія иллюзіи этого сорта часто составляютъ своего рода групповое, социальное вѣрованіе), но самъ-то уже навѣрное голову сложишь. Всю жизнь будешь возлагать надежды на будущее, будешь вѣрять въ невѣроятное — въ грядущій земной рай, въ земное блаженство далекихъ поколѣній; всю жизнь будешь считать себя средствомъ для миѳической цѣли — и съ этой вѣрой подойдешь къ тому мѣсту пути, гдѣ стережетъ неизмѣнная Смерть. Что, если только тогда станетъ яснымъ человѣку, что всю жизнь онъ обманывалъ себя дѣтской сказкой, что земное

блаженство человечества — мнѣ, что рано или поздно все человечество исчезнетъ съ лица земли, что впереди нѣтъ никакой объективной цѣли?

Остается третій путь, и слѣдовать по этому пути насъ убѣждаетъ мировоззрѣніе имманентнаго субъективизма, гениальнымъ выразителемъ котораго въ русской литературѣ былъ Герценъ. Конь пропадетъ, а самъ будешь живъ: мы должны понять и принять, что объективной цѣли нѣтъ, что субъективной самоцѣлю является Человѣкъ, что смысломъ жизни является вся доступная человѣку полнота бытія — и тогда только „самъ будешь живъ“. Правда, и на этомъ пути раньше или позже встрѣтишь неизбежную Смерть; но не побѣдительницей является она здѣсь, а побѣжденной. Ибо не въ будущемъ искалъ я смысла и цѣли своего бытія — надъ чѣмъ всегда иронически торжествуетъ Смерть — а въ каждомъ мигѣ своей жизни. Смерть безсильна загородить дорогу къ той трансцендентной сказкѣ, къ которой человѣкъ вовсе и не стремился; смерть безсильна зачеркнуть прошлое человѣка; смерть безсильна передъ тѣмъ, кто цѣлю считалъ полноту бытія каждаго мига своей жизни...

Эта полнота бытія — главное въ мировоззрѣніи человѣка; если вы принимаете ее, то намъ, пожалуй, даже не о чемъ спорить. Васъ утѣшаетъ вѣра въ загробное воздаяніе? — вѣрьте! Вы наслаждаетесь мыслью о грядущемъ блаженствѣ человечества? — наслаждайтесь, утѣшайтесь, вѣрьте въ Бога, въ Человѣчество, въ прогрессъ, во что вамъ угодно, вѣрьте, если не можете жить безъ вѣры. Вѣрьте — но при этомъ живите полной жизнью, живите всѣми струнами души; расширяйте жизнь — а потому дорожите социальнымъ чувствомъ; углубляйте жизнь — а потому проникайте въ глубь научнаго и художественнаго творчества. Живите „во-всю“, живите всѣмъ: и борьбой за великіе субъективные идеалы, и шумомъ валовъ моря, и исканіемъ, и творчествомъ, и

переливомъ голосовъ лѣса, и яркими радостями, и острыми печалами... Живите такой полной жизнью, чтобы, если понадобится, не жаль было завершить ее гибелью за великіе субъективные идеалы человѣческой правды, человѣческой справедливости, во имя великаго чувства социальности...

ОТТО ЭЛЬСНЕРЪ, БЕРЛИНЪ

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 02147 6950

